

Вне тела

Автор:

[Анастасия Ши](#)

Вне тела

Анастасия Ши

Добро пожаловать в мир настоящей реальности, где приоткрывается завеса тайн жизни и смерти. Казалось бы, обычный человек, живущий обыденной жизнью, вдруг попадает в ловушку переплетения судеб. Идиллия превращается в мистический кошмар. Привычный мир рушится. Живые и мертвые зывают о помощи. Каждый шаг – это мучительный выбор. Зло превращается в добро, а убийство одного спасает множество. Как не сойти с ума и не преступить нравственные законы бытия?

Анастасия Ши

Вне тела

Я смотрю сверху вниз, как врачи отчаянно сражаются за жизнь крошечного тела и испытываю противоречивые чувства. Часть меня ликует и радуется и хочет свободы, и неведомый тихий голос зовет окунуться в новое и неизведанное приключение, уговаривает не бояться, щедро дарит обещания, говорит, что я не пожалею. Но я не решаюсь сделать этот роковой шаг. Мне кажется, если я ещё хоть на долю секунды протяну с вытягиванием жребия, то и принимать участие в этой аванюре уже не будет надобности. Мне нужно еще время. Для чего? Пожалуй, это не просто объяснить, слишком сложно даются прыжки в бездну и, иногда, нужно взять таймаут, чтобы осознать себя. А кто Я? От попытки осмыслить свое существование, становится жутко. Сотни жизней мелькают передо мной, как отдельные фрагменты, но ни одна из них не отражает мою сущность.

Возможности постижения Сути Бытия бесконечны: одна из них начинается с вопроса, что я чувствую? Не существует ни в одном языке таких слов, чтобы описать это состояние. Бесконечная боль одиночества, умноженная на вселенское счастье от созерцания Великой Красоты, Подлинной Свободы и Божественного Совершенства. Это невозможно всецело познать, находясь в земном теле. Хотелось бы назвать это ощущение словами «знание» или «осознание», они более точно отражают суть того состояния, в котором я нахожусь сейчас. Мне легко и грустно, безумно одиноко, но радостно от постижения свободы выбора. Каждое существо имеет на него божественное право, но только единицы, по-настоящему, пользуются этим даром. Невесомость и ясность, единение с каждой сущностью и некая отрешенность. Слово веками мною делались попытки летать, но были сломаны крылья. Только крылья мне не нужны, я могу передвигаться когда хочу и куда хочу, я – всего лишь сгусток энергии. Но что я делаю в этом моменте времени? Почему именно здесь, в этом месте сейчас? Что за неведомая сила привела меня в эту операционную?

Врач от Бога

Сегодня в больнице большой переполох, умирает девочка, совсем еще младенец, на вид, около двух месяцев от роду, от остановки сердца. Причина тому – плановая вакцинация. Сразу же после введения препаратов, ребенок начал задыхаться, аллергическая реакция проходила быстротечно и и внезапно, сбив с толку медиков. Анафилактический шок вызвал остановку сердца, и, может быть, этому ребенку и удалось бы умереть так, что никто не успел бы и глазом моргнуть, но в этот день дежурил Максимов Петр Семеныч, в рабочую смену которого, еще никто не отправлялся на тот свет.

“Вряд ли девочка выживет”, – подумал молодой врач, ассистировавший Максиму, – “хоть и говорят, что Петр Семеныч творит чудеса, но уж точно не в этот раз.”

Он виновато посмотрел на лежащего на столе ребенка, на коллег, но когда его взгляд упал на старого хирурга, ассистент словно увидел мастера хирургии в

другом свете. Ему показалось, что Петр Семеныч на самом деле, в этот момент, не тот добрый и отзывчивый наставник, каким он его всегда видит, а какое-то совершенно другое существо, древнее, буквально пахнущее вековой мудростью. Он мог бы поклясться, что даже на миг увидел от доктора исходящее свечение,

- Петров, не спи! - Развеял все наваждения строгий и громкий голос.

- Мы ее не сможем спасти... - Еле тихо сказал Петров.

- Спасем-спасем! - Пробормотал Петр Семеныч, уверенно производя реанимационные процедуры. - Работаем, не болтаем!

Петра Семеныча в больнице очень любили и уважали. Молодые врачи все, как один, мечтали стать такими же опытными и знающими хирургами. Рядом с этим человеком все словно преображалось, становясь лучше, добрее, трудолюбивее.

- Сколько лет он уже трудится в этой больнице? - спрашивали интерны после первого знакомства со столь неординарной личностью.

Но никто даже, казалось, и не помнил, как долго Максимов работал в этом месте, про таких как раз и говорят «врач от бога». Медсестры находили пожилого доктора довольно еще привлекательным мужчиной и часто вздыхали о нем в сестринской, придумывая за чашечкой чая разные объяснения тому, почему никто так и не смог покорить его сердце, а одна молодая смелая лаборантка в прошлом году даже писала, по-детски трогательные, записки и, несколько раз, подкладывала ему в карман халата, думая, что никто не видит. Но Петр Семеныч, казалось, был обвенчан со своей работой. Он всегда брал все свободные смены, лишние дежурства, частенько заменял врачей, если кто-то отсутствовал. Коллеги недоумевали, почему он до сих пор не стал главным врачом, и даже отказался от, неоднократно предлагаемой ему, должности заведующего хирургическим отделением. Этому добряку, вроде как, оно и не нужно было. По-крайней мере, никто не замечал его стремлений занять главный больничный трон.

Не только персонал всего лечебного учреждения, но и пациенты горячо любили этого скромного и дружелюбного, но в тоже время строгого человека, а он всегда помогал каждому, кто нуждался в помощи. Он был молодым врачам

отличным наставником и надежным звеном трудовой дисциплины для всей больницы. В его присутствии каждый стремился работать в полную силу, как можно прилежнее учиться, быть лучше, добрее, внимательнее, словно заряжаясь какой-то волшебной энергией.

Но, в тоже время, наблюдалось в его поведении что-то необъяснимое, казалось, он пресекал все попытки сближения с другими людьми, боясь, что откроется некая тайна за семью печатями. А у Петра Семеновича она была. Даже невооруженным взглядом она читалась в его глазах и, как бы он не старался скрыть, печальная мистерия во взгляде ударяла словно молния, точно в цель, приоткрывая завесу его тайны, и, как вирусное заболевание по воздуху, передавалась другим. Нет, они не знали, что он скрывал, никто не мог прочесть его мысли, просто минорные ноты, то и дело проскальзывали, и в разговоре, и в позе, и даже то, как он пил утром кофе в ординаторской, задумчиво глядя не моргая в пустоту, порой говорило о его глубоком переживании. Окружающие ловили незримые меланхолические флюиды, исходящие от дружелюбного, но загадочного хирурга, в виде легкой грустинки или пустой задумчивости, впрочем, также быстро они выходили из этого коматозного состояния, в которое их вводило мимолетное общение с “Врачом от бога”.

Никому и никогда Петр Семеныч не рассказывал о своем горе: еще в детстве отец его частенько поучал: “Мужчины не должны жаловаться – это не красиво.” или “Ты же не будешь плакать? Мужчины не плачут”. И уже в возрасте пяти лет, смысленный Петя разучился плакать и сетовать на те или иные превратности судьбы. А может быть и жаловаться было не на что? Или некому. Это уже не столь важно сейчас для мудрого старого хирурга. Все это для него потеряло значение еще много лет назад, словно черная полоса разделила его жизнь до и после того момента, когда он потерял семью.

Первая жизнь Петра

Первая жизнь молодого Петра была безмятежной, он только начинал свою врачебную карьеру в районной больнице в одном из поволжских городов, в 25 лет влюбился в соседскую девчонку и долго не мог решиться сделать признание.

Екатерина была стройная, красивая и лучезарная.

– Словно воздушная! – восхищались ей окружающие. Это было самое доброе и наивное создание с самой красивой улыбкой, по-крайней мере, так казалось Петру. Даже небольшая близость в виде рукопожатия, вызвала у него прилив нежности, и он всячески пытался скрыть захлестывающие его чувства.

Почти год он любовался ее солнечной улыбкой и наслаждался простым дружеским общением, робея каждый раз, когда она его о чем-то спрашивала. Девушка звонко заливалась смехом, находя его сконфуженность довольно забавной. Петру было легко и радостно даже просто находится рядом с Катериной. Она всегда весело щебетала что-то, а он просто слушал и сладострастные волны наслаждения перекатывались у него где-то глубоко внутри, оставляя нежную истому.

И непонятно, сколько бы продолжалась их странная дворово-соседская дружба, не вмешайся тогда в это дело школьный товарищ и, по-совместительству, друг, Иван. Он и сделал крутой поворот в судьбе Петра, просто рассказав Катерине об одном влюбленном дураке, который сходит от нее с ума, но не решается в этом признаться. Петр воспринял эту нелепую помощь, сперва, с сильной обидой. Целую неделю молодой человек не выходил из дома, думая, что теперь он потерял единственную возможность, быть рядом с возлюбленной. Но Екатерина сама пришла к нему и предложила прогуляться в парке.

Так, совершенно случайно, не без дружеской помощи, образовался счастливый союз. Тот волнительный момент в городском парке, когда Петр, спустя несколько месяцев после их первого свидания, сделал предложение, – он не забудет никогда.

Через год у них родилась дочь Алиса. Счастью не было предела! И казалось бы, вот теперь вся жизнь, как на ладони, можно планировать дальнейшую судьбу, наметить цели и идти к вершине. С рождением ребенка, Петр стал еще более амбициозен, смело продумывал каждый шаг, усерднее работал, много учился, и его наставник в больнице часто хвалил его, говоря, что Петр – перспективный молодой специалист с далеко идущими планами. Что уж греха таить, молодой мужчина и для дочери уже многое нафантазировал. Вот он поведет ее в детский садик, а через несколько лет возьмет за руку и отведет в первый класс, а потом

дождется Алису из школы и с надеждой спросит: “Как тебе школа?”, – и, независимо от ее ответа, с нарочитой заботой, прочтет ей лекцию, как полезно учиться, чтобы добиться всего в жизни. А когда будет последний звонок, они вместе будут готовиться к волшебному балу, и он сам, лично, пойдет с ней выбирать платье! Это крошечное создание еще не знает, но когда она вырастет, то будет самой красивой и самой счастливой, уж он то, позаботится об этом!

– Почему Алиса? – спрашивали его коллеги.

– Жене очень нравится книга “Алиса в стране чудес”, а мне просто имя приглянулось, подумали-подумали, а почему бы и не дать дочери это имя, – со скромной улыбкой отвечал Петр.

Однажды, молодой человек решил даже разучить, как следует, роль “настоящего отца”, и репетировал, стоя перед зеркалом в ванной комнате.

– Алиса, ты уже достаточно взрослая девочка и я хотел с тобой поговорить о том, как нужно вести себя с противоположным полом. Нет, не так. Лучше так: Алиса, ты достаточно умная, чтобы быть доверчивой и... нет, как же это делается-то? – молодой отец сокрушенно помотал головой облокотившись на раковину и разглядывая, как вода медленно утекает в сточную трубу.

– Оказывается, не так-то и просто объяснять взрослеющей дочери, как быть осторожней в жизни, – пробормотал он. – Но, у меня еще много времени, – ободряюще подмигнул Петр своему отражению в зеркале и продолжил утренний ритуал умывания, даже не планируя завершать эту странную репетицию под названием “Разговор отца с дочерью”.

* * *

Петр вышел на балкон, чтобы всей грудью ощутить аромат весны.

“Это самое лучшее время года!” – мысленно кричал он людям снизу, – “И эта весна сделала меня самым счастливым человеком на земле! У меня родилась дочь!” – он осторожно погладил выставленные женой накануне на балкон

фиалки, понимая, что не сможет их согреть своими прикосновениями, и как бы извиняясь, что позволяет им испытывать небольшие неудобства.

В балконную ссылку их сослали по случайному недоразумению, по той простой причине, что соседка рассказала Екатерине о детской аллергии на цветы.

Для домашних цветов погода была еще не совсем подходящая, солнце грело только днем, а ночью температура воздуха резко падала и становилось зябко. Обычно Петр не мог и не хотел спросить с женщиной. Особенно в вопросах, касающихся здоровья детей. В этот раз Петр все-таки пытался встать на защиту даров флоры и даже аргументировать, но женская логика была сложна для его понимания. Мужчина, в итоге, сдался, и самолично помог обречь цветы на страдания.

– Катюх, может маме отдашь? Замерзнут ведь, в апреле еще по ночам прохладно. Да и с чего ты взяла, что от цветов у детей аллергия должна начаться?

– Машка с первого этажа сказала. У нее трое, она хорошо в этом разбирается. У ее старшего была жуткая сыпь.

– От фиалок?

– Так она не помнит уже, как цветок назывался, сколько времени прошло, но в детской болячках и тем более в аллергиях – она кое-что смыслит.

– Что, даже лучше врача? – съехидничал Петр, зная, что жене не нравится, когда он ей перечит. Ему иногда нравилось чуть-чуть задевать ее. Она очень смешно возмущалась, начиная доказывать свою правоту. В этот момент он особенно ее любил.

– Я сказала, что цветы все нужно убрать, пока Алиса не подрастет, значит нужно убрать и точка! – Екатерина умела отрезать разговор таким образом, что добавить что-либо было уже бесполезно, и Петру ничего не оставалось делать, как согласиться с женой.

Внизу просигналила машина, и Петр машинально наклонился, чтобы посмотреть, кто приехал, хотя прекрасно знал, – это был его сумасбродный сосед из пятой квартиры, без конца сигналящий по вечерам, навлекая гнев всех старушек двора. Теперь, видимо, он также станет причиной для беспокойства и для Петра. Молодой отец переживал за здоровый сон малышки, и вечерний шум во дворе его нервировал.

– Хорошо, что этот паразит уже просигналился, значит больше не будет. – Подумал заботливо Петр и вышел с балкона. Мужчина никогда не мог понять таких бесцеремонных людей, как этот сосед, который мог приехать и перебудить весь двор даже не забавы ради, а по какой-то тупой привычке. Петр был абсолютно уверен, спроси он соседа, для чего тот это делает, так этот балбес войдет в ступор или незамедлительно переведет тему. Такие люди совершают какие-то пустые ритуалы, вызывающие дискомфорт у окружающих, но даже не осознают этого.

– Однако, удивляюсь, как он искренне удивляется, когда соседские бабки орут на него, что шумит. Словно он тут совершенно не причем. – сказал Петр заходя на кухню, словно продолжая тему.

– Ты про кого говоришь? – отозвалась Екатерина, готовящая в этот момент что-то вкуснопахнущее на плите.

– Да этот идиот, из пятой, на него вчера тетя Тоня снизу жаловалась, говорит давление подскочило, и потом всю ночь уснуть не могла, видимо разнервничалась.

Петр задумался: быть врачом почетно, но, иногда, обременительно.

По какой-то сложившейся закономерности, каждая соседская бабулька, считала своим святым долгом, даже при мимолетной встрече, подробно рассказать о своем самочувствии и спросить совета.

Так и эта тетя Тоня, словно выслеживала Петра перед работой и нападала каждый раз на выходе из подъезда, пытаясь остановить его «на пару слов», а сегодня пришла, чуть ли не в пять утра, и разбудила характерным стуком в дверь, едва не разбудив Катю с Алисой. Оказалось, что ей срочно потребовалось измерить давление. Молодой врач был не против помочь, и ему даже нравилось

помогать людям, но не в ущерб своим интересам и утреннему сну.

После второго ужина, которым его часто в последнее время баловала жена, довольный Петр зашел в детскую. Девочка мирно спала в кроватке, тихо посапывая. Осторожными движениями, чтобы не нарушить чуткий сон малышки, мужчина вернул на место убежавшее одеяло и на минуту застыл, глядя, как спит дочь.

“Она настоящий ангел”, – подумал Петр и его переполнило чувство нежности. Рождение Алисы пробудило в нем какую-то непоколебимую уверенность и твердую надежду, никогда раньше он не чувствовал себя таким взрослым и ответственным. Его буквально переполняла гордость, что ему, кто-то свыше, доверил столь ценное сокровище.

Молодому мужчине казалось, что на свете нет таких слов, которыми он бы смог выразить всю любовь, испытываемую к этому крошечному созданию.

– Я вам обещаю, я не подведу, – прошептал Петр каким то неведомым силам, словно боясь не оправдать их доверия.

Алиса повернула голову, словно подставив свою пухлую щечку на обозрение и оценку умиленному отцу. Петр был растроган до глубины души, он наслаждался каждым мгновением, наполняясь этим новым для него чувством, с которым он ранее, кажется, еще не сталкивался в своей жизни. Он конечно же, безумно любил свою жену, родителей, но тут было что-то иное, и ему иногда даже становилось страшно, словно это чувство затягивало и порабощало его. В те волшебные моменты, когда он смотрел на спящую Алису, ему казалось, ничто в целом мире не способно захватить его внимание так сильно, и он хотел наслаждаться этой картиной вечно.

Алиса застыла в одной позе и перестала сопеть. “Спит, как мертвая” – промелькнула у Петра шальная мысль и дико разозлила его. “Что за чушь лезет в голову, как я мог об этом подумать?!” – возмущено корил себя мужчина. Но на всякий случай все-таки дотронулся до ребенка, чтобы уже окончательно отогнать идиотские мысли подальше.

Девочка снова повернула голову и отчаянно засопела, словно ей снилась погоня.

“Такой маленький комочек, а в нем живая душа. А вдруг я когда-нибудь свихнусь и причиню ей вред?” – озабоченно подумал Петр. “Я ведь никогда не смогу себе этого простить, никогда!”

– Алиса, деточка, я никогда не причиню тебе боль и всегда буду оберегать тебя! Спи спокойно, мой ангел, папа обо всем позаботится, со мной ты в полной безопасности. – Петр вышел осторожно из детской комнаты в зал, слегка опечаленный тем, что не может вот так, до утра, наблюдать, как спит дочь.

Невозможная тоска съедала его всякий раз, когда он был вдали от Алисы и, даже находясь на работе, он то и дело думал о ней. Петр порой даже задумывался, а не тронулся ли он умом? Неадекватная привязанность к дочери пугала его и вызывала суеверные всплески какого-то опасения. Это замечали и окружающие.

Даже добродушная тетя Тоня, и та сделала однажды мужчине замечание, что он слишком уж болезненно опекает дочь.

В прошлую субботу она перехватила его, когда вся семья Максимовых собиралась пойти гулять в парк. Петр замешкался на лестничной площадке, пытаясь совладать с детской коляской. Екатерина несла Алису в руках и любопытной тете Тоне непременно захотелось увидеть ребенка.

– Тетя Тонь, она спит, вы ее разбудите! – Выпалил взволнованный Петр, ревниво кинувшись на защиту дочери, спотыкаясь на ходу о лестничный порог, так и бросив коляску прямо в проходе. Не рассчитав скорость, он чуть не сшиб с ног испуганную старушку, и казалось, сам остолбенел от своей реакции.

– Да я ж ничего, я только посмотреть... – обиделась тетя Тоня, – Что ж я, думаете, сглажу, ее что ли? Я детей очень люблю, у самой сколько внуков-то. – И что-то бормоча себе под нос, побрела к лестнице. А потом, как бы задумавшись, остановилась и повернулась к Петру: “Нельзя так сильно любить Петя, ох, нельзя! Разгневаешь ты богов, сынок, попомни мои слова, беду накличешь”. Петра эти слова словно ошпарили. Нет, он никогда не был суеверным, но такие напутствия всегда воспринимал почему-то серьезно, как программирование на негативные последствия и очень злился, когда кто-то ему “пророчил” что-то

этакое, даже без злого умысла.

– Зачем она мне говорит такие поганые вещи? – Недоумевал Петр, когда они уже шли по парку. День уже был безнадежно испорчен, а ведь с утра он обещал быть таким волшебным. Мужчина ждал этой прогулки всю неделю и ничто не предвещало беды, но теперь, что-то в душе словно перевернулось и настроение улетучилось, словно его никогда и не было.

Петр то и дело прокручивал слова тети Тони, и его пробирали дрожь. Ему даже показалось, что она сказала это злобно, хотя и понимал, что на самом деле она просто сболтнула лишнего.

– Не обращай внимания, Петь, просто старческий маразм, нашел кого слушать! – Екатерина была как всегда веселая и беззаботная и Петр понемногу начал успокаиваться.

Мужчина посмотрел на Алису, лежащую в коляске и улыбающуюся ему и всей Вселенной своей лучезарной улыбкой, и в его душе словно что-то распустилось. Петру даже показалось, что выпусти он ситуацию из под контроля, и у него просто потекут слюни от удовольствия.

– Алиска, моя крыыыиска! – мотая головой задорно пробормотал Петр, делая такую нелепую рожицу, что девочка весело залилась заразительным смехом.

Через минуту он уже забыл про старушечьи слова и снова беззаботно улыбался солнцу.

– Когда Алисе будет лет пять, я предлагаю отдать ее на танцы или в музыкальную школу, пусть у нее будет дополнительная профессия в случае чего. – мечтательно начал Петр, кидая заготовленные кусочки хлеба в сторону кишашей массы голубиных голов.

– Да какие танцы? Петя! Опять ты начинаешь! Нам бы в садик сейчас попасть сперва, очередь вон какая, – засмеялась Екатерина и укоризненно посмотрела на мужа, демонстративно остановив коляску.

– Я привык все заранее планировать, – отмахнулся от нее Петр, и они пошли прогулочным шагом по широкой улице мимо таких же счастливых гуляющих. Весеннее солнце радостно согревало их своим теплом, словно намекая, что они не одиноки в своем счастье.

Нелепое стечение обстоятельств

Всевышний или слепой случай поставил в один из дней жирную точку на безмятежности Петра, заодно зачеркнув все альтернативные варианты развития событий его жизни.

Через месяц, после рождения Алисы, в городе началась запоздалая эпидемия гриппа. Екатерину с ребенком положили в больницу на обычное обследование с подозрением на воспаление легких у ребенка, но, к счастью, оказалось, что со здоровьем малышки было все в полном порядке, и это была ложная тревога. Жену и дочь Петра уже начали готовить к выписке.

Все три дня, пока Екатерина с малышкой находились в детском отделении и ждали результаты обследования, их навещал заботливый муж и любящий отец.

– Да иди уже, работай, а то выгонят из хирургии за прогулы! – увещевала жена, выпроваживая назойливого Петра из палаты.

В последний день перед выпиской он забежал проведать своих любимых не менее десяти раз. По договоренности с главврачом, родные и близкие медицинского персонала, размещались, при наличии свободных мест, в отдельные палаты, которые часто пустовали в ожидании каких-нибудь высокопоставленных лиц или тех, кто захочет платить за повышенный комфорт.

Официально, конечно же, это никак не афишировалось, просто изредка, в этих палатах появлялись какие-то новые люди, вносящие свою лепту в скромный бюджет премиального больничного фонда. Вот и сейчас, одна из двух “платных” палат пустовала, и жене Петра почетно выдали ключи.

– Хорошо иметь в больнице свой блат, – смеялась Екатерина.

– Да уж, выгодно быть женой врача, – улыбался Петр, но уже немного расстраиваясь, что ему придется еще одну ночь провести без жены и ребенка.

– Я могу попроситься на дежурство, – проговорил он, наконец-то, – правда отправят, скорее всего, в приемное отделение, и завтра с утра буду, как выжатый лимон.

– Ой, Петь, не надо. Ты нам завтра нужен будешь свежий, как огурчик. Иди домой, завтра увидимся, не переживай, все будет хорошо, один день уже как-нибудь без нас продержись. – Екатерина нежно потрепала его за щеку.

Петр, поцеловав жену и дочь, вышел из палаты и задумчиво побрел из отделения, разглядывая стены старой больницы, бывшей когда-то военным госпиталем.

После войны это место предназначалось для неизлечимых больных, где они доживали отведенное им время и получали медицинский уход.

Больница, где работал Петр, включала в себя основной трехэтажный корпус, и еще три двухэтажные пристройки, неряшливо стоящие с разных сторон, словно их приляпали не глядя криворукие строители. Пристройки были, более-менее, новые, а старый корпус все еще хранил в себе прадедовский дух богадельни. Эти древние стены, старость которых невозможно замазать ни одной краской, казалось, впитали в себя запах формалина и уже никогда не смогут от него избавиться, а вытертый множеством ног кафель, тоже не мог молчать. Он с азартом рассказывал очень многое: и о течении времени и о скромности бюджета современного здравоохранения.

О прошлом больницы говорили многое и разное, и рассказы всегда удивительным образом расходились в подробностях. Одни говорили, что больница построена на костях, другие говорили, что над больными здесь ставили нечеловеческие опыты,

но Петру было совершенно безразлично, сколько лет существует здание, он любил свою работу и любил в этой больнице каждый уголок, каждого человечка.

Выходя из отделения, он с размаху налетел на какую-то медсестру и растерянно начал извиняться. Женщина подняла глаза и в этот момент Петра словно окатило ушатом холодной воды: ему показалось, сама смерть смотрит в его душу сквозь чьи-то глаза, такой ненависти и ярости он отроду не видел. Гипнотизирующий взгляд наполнял его пустотой и отчаянием, воруя силы и желание жить. С трудом Петру удалось отвести взгляд и опустить его в пол.

– Извините, пожалуйста, я вас не заметил, надеюсь не ушиб? – Но ответа он так и не получил. Как в тумане он побрел дальше.

“Что это было?” – какой-то страх сковывал его и не давал забыть эти жуткие глаза.

– Да, ладно, – уже чуть успокоившись, пробурчал он, – Я сам виноват, хожу, как ежик в тумане, налетаю на людей, а медсестра уже пожилая, может сильно ногу отдалил, вот и получил столь жгучий взгляд.

Петр вышел на улицу и вздохнул полной грудью свежий весенний воздух, посмотрев на послеобеденное солнце, он прищурился и улыбнулся ему. Приветливое солнце в благодарность наполнило его своей радушной энергией.

Майское настроение

В начале мая солнце уже по-летнему согревало скучающих прохожих, постоянно снующих то туда, то сюда по центральной улице города. Местный Арбат, как его называли жители городка, было действительно, душевное место.

Широкая улица, казалось, вмещала в себя все необходимое: здесь были, нескончаемым рядом стоящие магазины. Теснясь бок о бок, они словно соперничали друг с другом, стремясь привлечь внимание прохожих своими причудливыми вывесками. Напротив магазинов находился большой и уютный

парк, и такого расположения самой центральной улицы, пожалуй, больше не было ни в одном городе.

Петр часто прогуливался в этом ностальгическом месте, и, каждый раз, он останавливался на несколько минут, понаблюдать за происходящим вокруг.

Лавочки, аллеи, клумбы – каждая мелочь была к месту и создавала общую атмосферу расслабления и радости. В подобном парке всегда хочется дышать полной грудью, набирая легкие прохладным весенним воздухом. Присесть на лавочку и закрыть глаза, прислушиваясь к пению птиц и шуму ветра. Ощущение спокойствия и умиротворения одурманивает, позволяя раствориться в этой безмятежности без остатка.

Присаживаясь на лавочку, Петр любил рассматривать отходящие от тротуара ветвистые тропинки. Извилистые и протоптанные, они идеально вписывались в общую картину этого маленького рая.

Если пойти по одной из парковых дорожек, окруженных свежей весенней травой и пробивающимися к солнцу желтыми одуванчиками, то можно зайти в глухую часть парка, где дремлют многолетние деревья.

Еще, будучи мальчишкой, Петр любил там играть со своими сверстниками. Он знал в этом парке каждую дорожку и каждый потаенный уголок. В самом сердце рощи, словно спрятанная от посторонних глаз, нашла свое место просторная полянка. Петр с Екатериной иногда пробирались в этот удивительный светлый мир, живущий своей жизнью и наслаждались нетронутой красотой природы.

Дружным рядом вокруг лужайки расположились вековые мудрые дубы, образуя неприступную защиту таинственного места. Изредка приходили сюда и другие гости, но основную часть времени поляна была девственна и безлюдна. Посредине, как старославянское божество воцарилась величественная огромная сосна. Петр никогда ранее не видел такого старого и такого красивого дерева, как в этом удивительном месте.

Петр одинаково любил и маленький уголок счастья, оторванный от суетного бытия, и ту часть парка, граничащую с центральной улицей. Красота природы, счастливые играющие дети, влюбленные парочки – все это вдохновляло и

заряжало мужчину позитивной энергией.

Этот парк хранил миллион приятных моментов из жизни молодого врача. Он знал здесь каждую мелочь, каждое лицо ему было, словно родное.

Особенно Петра забавляли голуби, всегда активно ищущие тех немногих, кто грыз на лавках семечки или ел что-то мучное. Эти истинные попрошайки толпились вокруг всех, кто их угощал и “созерцатель птиц” с удовольствием наблюдал за их природной игрой. Его сместили эти странные создания, он порой останавливался, глядя на них и задумывался: “Как же поведение этих существ похоже на людей! Вот секунду назад они вроде бы едят, выданную им на всех порцию щедрой горстки семечек, а уже через миг, они начинают свои странные пляски. Теперь голубь кружится, выполняя какой-то безумный ритуальный танец перед самкой, которая всячески при этом делает вид, что совершенно его не видит. Она отворачивается каждый раз, когда самец начинает выплясывать, но краем глаза все же, наблюдает...”

“Надо же, действительно, как люди!” – философски подытожил Петр. “Что мне там нужно купить по списку?” – Переключил он свое внимание на линию цветастых коробок, таких одинаковых, по-размеру и таких разных, по своей сути.

– Цветы, лучше всего, купить завтра, так они будут выглядеть более свежее, а все остальное можно заранее, – протяжно пробурчал, словно пропел себе под нос молодой мужчина и зашел в первый магазин с вывеской “Все для праздника”.

– Вам помочь? – улыбнулась ему приветливая девушка за прилавком.

– Спасибо, я пока не знаю, что буду брать, – также с улыбкой сказал добродушный покупатель, совершенно забыв про составленный, специально для прогулки по магазинам, список покупок и, что заветный листок-помощник лежит себе сейчас в его правом кармане брюк и ждет, когда про него вспомнят.

– Сейчас посмотрю и выберу что-нибудь, – озираясь по сторонам добавил он.

Яркими красками позировали перед ним на полках всевозможные подарки и праздничные украшения, словно играющие в салки дети, касались его своими невидимыми ручками и передавали его взгляд, словно мячик, уже другому игроку. Он жадно бросал взгляды вокруг себя, пытаясь выбрать что-то конкретное, но быстро сдался.

На полках уютно, но достаточно тесно, расположилось множество нарядных наборов чего-то жутко полезного в хозяйстве и чего-то не менее красивого, но с сомнительной пользой, вроде пятого колеса в телеге. Эти предметы как раз именно из этой оперы, что обычно получает добрая половина представительниц прекрасного пола на 8 марта, от своих любимых мужей, а потом не могут никак найти им применение.

– Как же тут выбрать? – еще больше насупился Петр, и словно читая его мысли, переливающаяся радуга праздничных вещей-коршунов с новой силой неистово бросались ему в глаза.

Растерянному мужчине на миг показалось, что даже каждая безделушка в этом сомне поет, изредка выбиваясь из общей толпы, чтобы бедный покупатель услышал и сделал свой выбор именно в ее пользу: “Купи меня”, “Нет, меня, я лучше”, “Купи меня, я принесу больше радости”. Потеряв надежду справиться с этой нелегкой задачей, Петр заметно приуныл.

– Да, признался он, – мне действительно нужна помощь, столько всего вокруг, сложно выбрать.

Девушка радостно улыбнулась ему и стала внимательно слушать.

– Мне нужно что-то такое, чтобы украсить квартиру к приезду жены и дочери, и какие-нибудь хорошие подарки для них, завтра они выписываются из больницы. – сказал он уже обнадежено и посмотрел на продавщицу.

– Ну тогда вы пришли по адресу, – с охотностью отозвалась девушка, – возьмите надувные шарики, маленькие дети их очень любят, а жене можно подарить вот этот подарочный набор парфюмерии, их сейчас очень быстро раскупают и остался всего один. И кстати, недорогой.

– Беру, – сказал Петр, впадая в какой-то транс и даже не спросив, сколько стоит и что входит в набор. Его растерянность передалась и девушке.

– Если хотите, то можем подобрать что-то другое, она любит сладкое?

– Да, она очень любит шоколадные конфеты, – словно очнувшись и выходя из транса, горячо поддержал беседу мужчина, – конфеты тоже возьму! У нас праздник в конце концов!

К выбору подарка для Алисы Петр решил подойти со всей своей заботой и креативом. Но в соседнем магазине игрушек у него возникли сложности с выбором. Каждая игрушка претендовала стать его избранницей, и молодой отец никак не мог определиться.

Зайчики, мишки, куклы – Петру нравились все, без исключения. Он с надеждой посмотрел на девушку за прилавком, но в этом магазине, казалось, никто не спешил к нему на помощь. Растерянный мужчина битые полчаса выбирал подарок. Ходил от одной полки к другой, брал каждую в руки, оценивал, осматривал, переводил взгляд на следующую, сравнивал. Девушка за прилавком демонстративно игнорировала покупателя, делая вид, что читает какой-то спортивный журнал. Но Петр замечал, что все же, она кидала, время от времени, косые взгляды в его сторону с явным недовольством.

В итоге, молодой человек остановил выбор на большом белом мишке и подошел к прилавку. Девушка посмотрела на него грозно-вопросительным взглядом, дающим понять, что он ее очень сильно отвлекает и что ему лучше убраться отсюда поскорее. Петру не понравилась эта негостеприимная особа, но он всеми силами старался видеть в людях только хорошее и не обращать внимание на негативные реакции в свой адрес. Недовольно взяв игрушку, девушка быстро засунула его в пакет.

– Спасибо большое! Я выбираю подарок для дочери и думаю, что ей понравится. Мишка действительно очень красивый и как живой! – с неожиданностью для самого себя, разоткровенничался мужчина. Он не всегда понимал, почему в моменты волнения, его тянет “поговорить”. Возможно, в этот момент, он просто надеялся, растопить сердце этой недружелюбной и молчаливой собеседницы.

- Ага, - сухо и с раздражением отозвался голос за прилавком.

- Подскажите....

- Мне нужно отойти на пять минут и закрыть магазин, брать будете? - голос звучал уже не просто с пренебрежением, а чуть ли не угрожающе.

Петр молча купил плюшевого мишку и быстро покинул это место мнимой радости.

“Удивительно, насколько же иногда встречаются настолько неприятные люди, что остается осадок на душе, даже после мимолетного общения!” - Он поежился, хотя на улице было тепло.

“Нет, сегодня мне никто не испортит настроение, только не сегодня!” - и он слегка нахмурившись остановился, его взгляд упал на проходящую мимо семейную чету с девочкой, лет пяти-шести. Их бесконечное счастье наполнило Петра и подарило вдохновение.

“Завтра я тоже приду сюда с семьей”, - пообещал он сам себе и, улыбнувшись миру широкой доброй улыбкой, получил в ответ сразу же несколько приветливых улыбок в ответ от случайных прохожих. Мир его любил, и Петр это чувствовал каждой клеточкой своего организма. Он бодро зашагал в сторону дома, чтобы подготовить все к завтрашнему празднику.

Надувая воздушные шарик Петр мысленно представлял сцену воссоединения семьи.

“Катюшка зайдет в квартиру и просто упадет на месте, увидев, как я тут все украсил!”

Мужчина с улыбкой застыл, отведя взгляд в сторону. Чего-то не хватало в этом праздничном безумии.

– Вот я растяпа, забыл купить торт, ну как же так?! Ведь внес в список и начисто забыл про него! – раздосадовано воскликнул мужчина, – ну ладно, – чуть успокоившись он взял очередной шарик, – зато конфеты купил!

К торчащему из стены гвоздику, служившему когда-то маленькой опорой какому-то бабушкинскому ковру, и теперь просто тоскующему от своей долгой никчемности, был привязан яркий надувной шарик с веселой рожицей, которая улыбалась Петру и словно подмигивала: “Все будет хорошо!” И у мужчины не было оснований не доверять этому доброму лицу.

“А торт можно и завтра вместе с цветами сразу купить. Хотя... Я хотел с букетом подойти к больнице, а торт куда? Не с собой же его таскать. Ладно, пока магазины работают, успею купить сегодня.” – Решил мужчина и стремительно выбежал из квартиры, забыв от рассеянности закрыть дверь на ключ.

Шестое чувство

К вечеру, когда жилище было украшено, подарки красиво сложены на столе, а вкуснейший торт ждал своей участи в холодильнике, Петр уже изнемогал от нетерпения. Он то садился на диван, то подходил к окну, то просто бесцельно ходил из угла в угол по залу, словно никак не находя себе места.

Чтобы хоть как-то убить время, он достал книгу Достоевского, которую уже давно хотел перечитать, но никак не находил свободное время. Петр сначала просто открыл ее, чтобы полистать и сам не заметил, как углубился в увлекательное чтение.

– Да, интересную тему затронул автор, – задумчиво произнес Петр, все больше увлекаясь сюжетом и погружаясь в не свойственные его характеру, раздумья.

“Интересно, а как вообще Раскольников мог прийти к мысли об убийстве?” – Петр помнил из краткого содержания только то, что главный герой убил какую-то старуху, но, в принципе, был довольно неплохим парнем. Теперь же, читая все с самого начала, Петр начинал понимать, как окружающая действительность подтолкнула Раскольникова совершить преступление.

Задумавшись, мужчина машинально перелистнул страницу и вдруг заметил, что последние несколько секунд механически читал, не понимая написанного и немного отстал от сюжета. Перевернув страницу обратно, он начал перечитывать заново.

Дойдя до шестой главы романа, он неожиданно почувствовал, как его сердце бешено заколотилось, и чуть переведя взгляд от книги, он вдруг боковым зрением увидел, как что-то темное прошло мимо него, и он мог поклясться, что почувствовал даже легкий ветерок. Мгновенный озноб охватил его тело и Петр инстинктивно затаил дыхание, как в детстве, когда ему мерещились страшные чудовища, прячущиеся по углам, когда выключался свет.

Мужчина молниеносно повернул вмиг потяжелевшую голову налево и стал осматривать комнату. Никого. Ничего. Но что-то же он точно видел... Жуткое чувство никак не торопилось покидать его.

– Нет, все-таки, показалось, – облегченно выдохнул он. – Видимо просто глаза устали. Отложив захватившую его с головой, книгу, он уже хотел оставить приятное чтение до лучших времен, и даже привстал, чтобы направиться к книжному шкафу, но в последний момент, почему-то, передумал.

– Нет, нельзя на самом интересном месте останавливаться вот так, – смирившись с несдерживаемым любопытством, он дал себе слово: “Еще одну главу и все! Потом сделаю перерыв”.

Сев поудобнее и придвинув диванные подушки поближе, Петр прикрыл на минуту глаза, держа книгу и заложив палец вместо закладки между страниц.

– Всего один день осталось потерпеть! Скорее бы прошла эта ночь и я снова увижу своих любимых! – выдохнул мужчина, бросив тоскливый взгляд на семейное фото и... Вот оно! Вновь! Темная тень! Ему не показалось!

“Что это за чертовщина?!” – За долю секунды конечности Петра похолодели и он стал похож на смерть. Он осторожно отложил книгу в сторону и прислушался. На стене еле-еле подавали признаки жизни старые дедушкины часы, за окном

послышался лай соседской собаки и Петр инстинктивно покосился на окно.

Где-то в комнате, был кто-то еще, мужчина не мог это объяснить даже самому себе, он это просто чувствовал ледящим душу страхом. На лестничной площадке хлопнула соседская и Петр от неожиданности вздрогнул. Может быть кто-то забрался в квартиру, пока меня не было? Нет, если бы в доме был кто-то посторонний, то Петр непременно заметил бы это. Незванный гость давно уже выдал бы себя. На всякий случай мужчина обошел зал, заглянул на занавески, выглянул на балкон, посмотрел за дверями, – никого. Вряд ли в квартире кроме него еще кто-то есть.

Обойдя еще раз всю квартиру и не обнаружив ничего необычного, Петр немного успокоился. Наваждение ушло, словно и не было.

– Да что ж со мной такое сегодня происходит?! – Испуганно произнес Петр громким голосом, чтобы развеять нависшую тишину, которая пугала его до чертиков.

– Я схожу с ума? Нужно перестать думать о всякой бесовщине! Мне все это показалось, здесь никого нет. – Петр выдохнул и прислушался к стуку своего сердца.

– Я ничего не видел. Не было никакой тени и точка! – Приказным тоном отчитал он себя. И уже чуть успокоившись, попытался даже пошутить, чтобы не думать больше о необъяснимом и переключиться снова на сюжет книги: “Видимо много думал о Раскольникове и отождествил себя с героем”.

Петра действительно очень сильно впечатлили детские переживания Раскольникова, когда тот впервые увидел, как люди убивают из удовольствия. Петр, читая про убийство несчастной лошади, забиваемой со свирепым удовольствием пьяной шайкой под веселые возгласы и песни, словно сам побывал на той площади и своими глазами видел все происходящее.

“В школе мне не понравился этот роман и я совершенно ничего из него не вынес для себя, прочитав поверхностно краткое содержание, чтобы можно было отвечать на вопросы у доски. Сейчас, словно открыл для себя новый мир. Достоевский так пишет, словно сам попадаешь в сюжет.” – мужчина всеми силами пытался сосредоточиться на романе, но ощущение страха возвращалось

ВНОВЬ И ВНОВЬ.

“Спать еще рано”, – подумал мужчина, включая телевизор, в надежде, что может быть по ящику покажут что-то интересное.

“Как всегда, ничего стоящего”, – разочарованно подумал он, переключая скудный набор каналов. Бросив беглый взгляд на выходящее во двор окно, затем развешанные им совсем недавно шарiki по всей квартире, он мечтательно улыбнулся. “Скорее бы начался новый день! Вот бы перенестись сразу в долгожданное завтра!”

На одном из каналов шла какая-то спортивная передача, но Петр никогда не любил смотреть спорт по телевизору, и всегда быстро переключал каналы, ища что-то более информативное, на его взгляд. Он всегда недоумевал, почему люди так любят переживать за чужую игру и испытывать большое сочувствие к таким страдальцам, ощущая в этом вопросе некое превосходство над ними.

Петр не наблюдал за собой особую ненависть или неприязнь к подобного рода “телешоу”, он даже мог сидеть со своим дядей, когда был у него в гостях и смотреть на бегающие силуэты на экране, но никогда не вникал в “сюжет происходящего”, считая такие просмотры пустой тратой времени. Он уходил куда-то глубоко в себя и о чем-то думал, строил планы на будущее, такого рода “медитация” помогала ему быть всегда спокойным и уравновешенным в любой ситуации, но кроме просмотра телевизора с неинтересным ему контентом, казалось, ничто его так не могло больше вогнать в столь глубокий транс.

– Спортом нужно заниматься самим, а не смотреть, как это делают другие! – нервно шутил он, когда приходили его школьные друзья. Ему не очень нравилось, когда какой-то очередной захватывающий матч и, каждый раз, самый ответственный, брал инициативу в свои руки и нагло воровал все внимание приятелей, которым уже сразу же становилось совершенно не до Петра. А потом они, спохватившись, что уже поздно, просто уходили, и мужчина печально отмечал про себя, что вместо встречи старых друзей, в его квартире состоялся обычный просмотр спортивной телепередачи. Со временем он звал друзей все меньше и меньше, а с рождением Алисы и вовсе свел все общение на нет.

Не найдя по телевизору для себя ничего полезного и стоящего внимания, Петр выбрал самый безобидный канал с каким-то бразильским сериалом, и целую минуту простоял возле телевизора, пытаюсь вникнуть в странноватый сюжет, а затем включив звук погромче, сел поудобнее на старенький массивный и уже не очень удобный диван.

На экране постоянно мелькала какая-то женщина, которую звали Мария, она терзалась и переживала и рассуждала о каком-то серьезном выборе. Петру было совершенно неинтересно слушать разговоры персонажей и он просто наблюдал за происходящим, не как зритель, а как кинокритик. Даже не зная сюжета сериала, Петр сразу же заметил, что каждая сцена затянута до смешного. Мужчине также показалось, что актриса сильно переигрывает.

“Как-то ненатурально у нее получается доносить до телезрителя боль своего персонажа”, – подумал мужчина, снова беря в руку книгу, и снова “провалился с головой” в мысли о завтрашнем дне, бегая глазами по строчкам и не замечая, что суть сюжета уже давно потеряна.

Из “счастливого завтра” Петра вытащила залаявшая, где-то под окном, собака и Петру опять стало не по себе. Он снова обратил внимание на кричащую женским голосом коробку на тумбе и решил, что на сегодня “бразильской любви” ему уже хватит. Он подошел к телевизору, но в последний момент не стал его выключать, а просто убавил немного звук. С телевизором было не так тоскливо и одиноко. Петр снова сел на диван и продолжил чтение, стараясь сосредоточиться на сюжете и не думать ни о чем более.

Больничные будни

Именно в эту ночь, перед выпиской, столкнул злой рок дочь Петра Семеныча и одну из старших медсестер, в халатности к своей работе которой, мог позавидовать только самый заядлый туineaдец советских времен. Все люди связаны узлами судьбы с другими и столкновение с каждым последующим незнакомцем, способно в той или иной мере изменить направление жизни. Некоторые встречи являются судьбоносными, а некоторые даже последними...

Как это и случается в конвейерной работе, где люди всего лишь безликие сосуды, проплывающие мимо и не задевающие душу своими проблемами, Антонине Сергеевне было сложно вспомнить, за какие грехи она несет крест в стенах этой обители больных и убогих. Существование в больничных стенах превратилось в монотонное прозябание.

“Это словно день сурка”, – жаловалась она самой себе порой. Иногда ей казалось, что каждая рабочая смена останавливала привычное течение времени и порой обычная минута растягивалась до невозможности.

– Дурацкое дежурство! – Сокрушалась Антонина Сергеевна каждый раз, когда ей нужно было идти на работу. Иногда ей казалось, что вся эта трудовая рутина, как голодный вампир, высасывает из нее энергию, а иногда ей мерещилось, что она всего лишь бездушный робот: этому выдать таблетку, этому сделать укол, этого по расписанию проводить на рентген... И так по кругу из смены в смену.

“Многие из них даже не нуждаются в медицинской помощи, и все-равно находятся здесь!” – с пренебрежением думала Антонина Сергеевна.

– Конечно! Государство за все заплатит, все им бесплатно сделали, вот и идут сюда, как фашистские танки на Ленинград. Надо – не надо, ложаться! Чуть температура у ребенка, – сразу скорую. Как раньше наши прабабки? А как в войну дети выживали? Никто за ними так не бегал, зад не подтирал. Поэтому мы такие закаленные, не то что эта молодежь, тьфу! – сквозь зубы проворчала Антонина Сергеевна выходя из сестринской. Она любила ворчать, но делала это так, что никто не мог разобрать слов, но если кто-то имел несчастье встретиться ей на пути в этот момент и увидеть ее колкий взгляд, – инстинктивно понимал, что нужно быстрее уносить ноги.

Так и проходили дежурства медицинского работника: обойти палаты, выполнить некоторые предписания врачей, а кто там и чем болен, черт с ними, принял-оформил историю болезни и выписал, – следующий!

“Как же это утомляет!”, – думала Антонина Сергеевна, когда шла делать вечерний обход.

– Последняя! Последняя и можно отдохнуть, – твердила себе для успокоения медсестра. Ей нужно было всего лишь зайти в последнюю палату к одной девочке, которая лежала с воспалением легких, быстро поставить антибиотик и вот она – свобода на сегодня!

– Ох ноженьки, мои ноженьки, – пожаловалась вслух кому-то женщина, почувствовав внезапную резкую боль от варикоза. Кляня работу, она стараясь не обращать внимание на недомогание как могла, а идти дальше. Ноги у Антонины Сергеевны, казалось, болели всегда. Когда именно она их “загубила”, женщина не смогла бы вспомнить, даже если сильно захотела. Постоянные неприятные ощущения от варикоза она чувствовала все время, даже когда спала и уже настолько привыкла к этой боли, что казалось, убери хворь из ее жизни и будет чего-то не хватать. Но иногда, особенно в дни, когда медсестра очень долго работала “ни разу не присев”, у нее возникали резкие “прострелы”, как она их называла, и в эти минуты она чувствовала себя самой несчастной на свете.

“Наконец-то, будет возможность отдохнуть и насладиться просмотром любимого сериала. А сюжет там сейчас как раз развивается, закручивается все в сложный узел и именно в эту самую минуту!” – от досады она закусила больно губу.

“Кого же выберет Мария себе в мужья? Бедная девочка! Как же тяжела ее жизнь: любить двоих – это же так сложно! Эх, где мои 18? Скорее бы освободиться и продолжить просмотр”. – Так с тяжелыми думами о несчастной Марии, Антонина Сергеевна и торопливым шагом, насколько ей позволяли уставшие ноги, направлялась делать роковой укол.

Алиса уже крепко спала, когда старшая медсестра зашла в палату, а Екатерина читала книгу и была крайне удивлена столь поздним визитом: – Какие еще уколы? – растерянно спросила она – Нас выписывают, мы уже выздоровели.

На что получила едкое замечание от Антонины Сергеевны, что умничать можно с доктором, и не мешать делать ей ее работу.

– Вот утром у врача и спросите, почему назначили, а мое дело маленькое – есть предписание сделать и я делаю! – С этими словами она быстро сделала последнюю на сегодняшний день инъекцию и вышла из палаты, демонстративно

хлопнув дверью.

– Умные очень уж! Рожать научились, а старших уважать нет! – проворчала Антонина Сергеевна на пути к посту. Сделав заключительную отметку в журнале, она с облегчением и беззаботной улыбкой поплыла в сестринскую.

– Все, наконец-то!!! Свобода! Можно заняться своими делами и хорошо бы, чтобы ночное дежурство прошло как всегда, без проблем.

Эта женщина умела выбирать “спокойные” смены, словно обладая каким-то шестым чувством, и даже коллеги несколько раз как-то замечали, что она в этом деле просто везунчик. А Антонина Сергеевна при этом с неподдельной гордостью расплывалась в улыбке, ссылаясь каждый раз на многолетний стаж и в этом момент в ее взгляде мелькала нотка некой аристократичности, но не той, с которой рождаются, а которая достается выстраданным путем.

– Опыт не пропьёшь, – смеялись молодые врачи, часто подшучивая над напыщенной старушкой. Вот тут у Антонины Сергеевны и врачей была полная взаимная неприязнь: Антонина не любила их колкие насмешки и просто недоумевала, как такие юные молокососы могут зарабатывать больше неё, а она, такая опытная, должна им еще и подчиняться! Молча, терпя всю несправедливость судьбы, она безмолвно мстила им так, как могла. Маленькая месть гордой медсестры выражалось ярко в неподчинении некоторым предписаниям или, как она это называла, – приказам.

Но происходило это все с осторожностью, когда никто бы не смог ее в этом уличить. Например, уже много лет истории болезни заполнялись благодаря фантазии и острому чутью Антонины Сергеевны. В ее обязанности входило ежедневное измерение температуры каждому ребенку, утром и вечером, когда было ее дежурство, но она прекрасно понимала, сколько это отнимало бы времени, поэтому умная сестричка стряпала следующим образом: она тратила 5 минут утром и 5 минут вечером на то, чтобы от руки записать показания каждого градусника. Обычно у всех пациентов на выписку, температура была 36.6, максимум 36.7, и только о тех, кто накануне имел жар, – вносились данные из записи в журнале предыдущего дня, сделанные другой сменой.

“Благо мои сменщицы не столь дальновидны, как я!” – С неподдельной гордостью думала Антонина Сергеевна, хваля себя за смекалку.

– Не у всех хватает мозгов ловко обходить правила и при этом выходить сухой из воды!

Ладно, что с них взять, обычные дуры, – сделала заключение Антонина Сергеевна. Но, впрочем, ей мягкотелость сменщиц была только на руку. Она могла с пользой проводить высвобождаемое время. А когда была возможность, такую же хитрость можно было сотворить и с результатами анализов, тем более, что, как опытный медицинский работник, Антонина Сергеевна, прекрасно умела на глаз определять насколько серьезно болен ребенок, и каково его состояние на текущий момент.

– Анализы – это лишняя трата времени и государственных денег, – всегда говорила, ушедшая в мир иной, некогда работающая здесь старшей медсестрой, Клавдия Аркадьевна. Она была мудрая женщина и многому научила Антонину Сергеевну. Сообразительность и столь хитрый склад ума, отчасти, появились благодаря жестокой школе выживания в городской больнице, когда Антонина Сергеевна была всего лишь Тонькой на побегушках и часто получала незаслуженное порицание за свою любознательность и своевольность.

Она не любила эту старую злую женщину, и не скрывая от самой себя тот факт, что с неким облегчением приняла известие о кончине Клавдии Аркадьевны, в связи с инфарктом, при этом, каким-то таинственным образом, еще будучи просто Тонькой, она уже тогда успела перенять некоторые черты характера своей наставницы и успешно использовала все полученные ею знания с пользой и выгодой для себя и, как ей казалось, для больницы.

– Тонька, где тебя черти носят? Принеси бинты.

– Сейчас!

– Быстро неси, опять книги читаешь что ли?! А кто работать будет?

– Сейчас сбегаю!

– Тонька, так и будешь жить в своих романах, попомни мои слова.

– Показала бы я тебе сейчас Тоньку, старая ведьма, – сквозь зубы процедила Антонина Сергеевна, удивляясь, что это она так часто в последнее время вспоминает свои первые годы в этой больнице.

Если бы не панибратство и возможность вовремя дать на лапу нужным людям, то судьба юной Тони, возможно, сложилась бы совершенно иначе.

Имея плохую успеваемость в учебе в медучилище, девочка совершенно была не пригодна для работы в качестве медсестры. В училище самостоятельно поступить она не смогла, провалив два раза вступительные экзамены. Да и не было особого желания у нее там учиться. По знакомству через влиятельного родственника Тоню приняли туда без экзаменов. Аттестат выдали с нарисованными тройками. Такую могли взять на работу исключительно только по блату.

Тоньку и пристроили работать в больницу по знакомству, и на тот период ее родители сделали для нее, как им казалось, великое благо.

– А какая ее ждала судьба? – недоумевала, и словно оправдываясь говорила знакомым Тонина мать. – В медицинском училище у нее были ужасные отметки, несколько раз ее даже пытались выгнать за неуспеваемость и прогулы, спасибо Клавдии Аркадьевне, дай бог ей здоровья, выручила, пристроила безалаберную дуру к себе в больницу. Человека вырастет хоть из этой дурехи!

Нерасторопную лентяйку, действительно, после окончания учебы никто не захотел бы брать на работу, в больницах тогда был жесткий отбор, а она не смогла бы ответить даже на элементарные вопросы на собеседовании.

Мать суетилась и хлопотала за нее как могла, обращалась в разные поликлиники, больницы, даже пробовала, однажды, пристроить свою дочурку в городской морг в качестве ассистентки. Подняла она на уши всех знакомых и в итоге, каким-то чудесным образом, под свое крыло девочку взяла именно Клавдия Аркадьевна, чем и осчастливила родителей Тони и заодно поставила

крест на всех надеждах мечтательной девочки.

Никогда юная Тоня не хотела работать медсестрой, может быть именно поэтому и училась из рук вон плохо. Что только мать не делала, чтобы Тоньку не выгнали из училища, когда та грызла гранит науки, в итоге, обучение, с горем пополам, осталось в прошлом к всеобщей радости всей семьи. После удачного трудоустройства, по их мнению, будущее дочери было обеспечено.

– Ну, Тонька, моя душа теперь за тебя спокойна, ты не пропадаешь! – Услышала, только что проснувшись, девочка голос матери. Все важные разговоры всегда велись на кухне и сейчас, родители чем-то явно были взволнованы.

– Замуж-то, наверное, тебя все-равно никто не возьмет... – То ли утверждающе, то ли с целью пошутить, проямлила заботливая мать.

– И в кого ты у нас такая страшненькая? – С долей иронии и с долей горечи добавила она. Отец особого интереса к Тони никогда не проявлял, но всегда поддерживал жену в процессах воспитания, передавая ей пальму первенства по всем вопросам, и, видимо считая, что на этом его отцовские обязанности проявляются в полной мере.

– Да, Тонька, держись за Клавдию Аркадьевну, это твой последний шанс. Если замуж выйти не сможешь, тебе придется самой о себе заботиться, – сказал он словно на автопилоте, не отвлекаясь от утренней газеты.

Для своевольной Тони было больно слышать про себя столь нелестные утверждения родителей, но она старалась скрывать свои чувства и только иногда, по ночам, горько плакала в подушку, мысленно обвиняя своих родителей, что произвели ее на свет для страданий и мучений.

– Я убегу из дома и из больницы! Уеду в Москву и найду себе богатого жениха, вы все потом пожалеете, что так со мной обращались, – грозно шептала она в сторону комнаты родителей, словно эта угроза должна была как-то подействовать на них и изменить ее участь.

Уходя с головой в любовные романы, Тоня утопала в мечтах и видела себя совершенно другим человеком! Она представляла себе молодого красивого парня, который приезжает из Москвы, заходит к ним в дом и она говорит родителям: “Я же говорила”. А может быть в больницу придет работать солидный и самодостаточный врач и Тоня сможет увлечь его своей скромностью и невинностью, и тогда он увезет ее далеко отсюда! И ее жизнь сразу же преобразится! Но время шло, а принц так и не спешил забирать Тоньку из больницы, а она тем временем выросла и полнела и плавно превращалась в какую-то странную копию своей покойной наставницы.

“А может быть надо было убежать тогда в Москву, как и хотела?” – все чаще начинала размышлять Антонина Сергеевна. “Но уже поздно сожалеть, я уже не та молоденькая дурочка.”

И действительно, перед нами уже не та наивная девчонка, мечтающая о принце или на худой конец, молодом враче, который заберет ее к себе и ей уже никогда не придется работать. Сейчас эта, достигшая преклонного возраста и имеющая огромный жизненный опыт, женщина. Она сама поставит любого на место одним только взглядом. Никто не смеет ее учить, она сама научит кого угодно и чему угодно.

– Я в этой больнице дольше всех и пережила уже двух главных врачей! – Гордо говорила она соседке по даче, когда, как то раз, рассказывала той о своей работе. И, ей казалось, что она за столько лет приобрела некую сверхспособность, женщина совершенно точно, как она полагала, умела определять каким-то непостижимым образом, чем болен тот или иной человек.

Кроме того случая с соседкой, больше никому и никогда Антонина Сергеевна не говорила о своих сверхспособностях. Друзей у нее близких никогда не было, а коллеги, казалось, избегали общения с ней.

Только однажды, она разоткровенничалась с одной медсестрой из соседнего отделения, которая иногда заходила в гости после отбоя. Она всегда приносила с собой что-то вкусное к чаю и Антонина Сергеевна была не в силах отказать ей в компании. Это был единственный человек в больнице, кто, казалось, по-

настоящему, с уважением относился к старшей медсестре.

Антонина Сергеевна была рада интересу к своей персоне со стороны этой соседки по больнице. Ей в какой-то мере даже льстил тот факт, что эта молодая начинающая медсестра смотрела на нее, как на авторитет, и в какой-то из дней именно ей и было принято доверить тайну о своих сверхспособностях.

– Мне достаточно просто посмотреть на человека и я могу сказать, чем он болен, что у него раньше болело и более того, – чем он может заболеть в будущем. Через меня прошли сотни людей, и я еще ни разу не ошиблась! – С гордостью заявила довольная собой Антонина Сергеевна, запивая горячим чаем вкусное печенье, которое принесла с собой гостя.

– Ага, ну прямо глаз-рентген, – Колко заметила собеседница, и громко рассмеялась. Возможно, она это сделала не специально. Возможно, она не хотела обидеть нежные чувства своей собеседницы, но она это сделала. После этого случая, старшая медсестра больше не общалась с наглой выскочкой и конечно же, больше никогда и никому не говорила о своем даре.

Примечательно, что за много лет практики, нюх женщину, действительно, ещё не разу не подводил. И она могла себе позволить работать именно так, как считала нужным.

Но не все в ее постовой службе было абы как, некоторые обязанности она все же уважала, например, она всегда выполняла указания по дневным процедурам, и эта показная работа не была напрасной, – старшее руководство ее хвалило и ставило в пример остальным.

Больше всего Антонина Сергеевна опасалась быть пойманной и обвинённой в неисполнении своих обязанностей, но тайное желание неповиновения пересиливало ее. Поэтому она нашла компромисс: днем, когда весь персонал отделения кружится как пчелы в улье, – она работает на совесть, а вечером, там, где можно схалтурить, – она это делала без стыда. Но все это пустое: сейчас, именно в эту самую минуту, ее жизнь снова начинает обретать смысл.

Начинается ее время: долгожданные минуты отдыха и просмотра любимого сериала.

Красивая бразильская жизнь

Мария из бразильского сериала так и не определилась с выбором жениха, и Антонина Сергеевна была этому безумно рада, она бы испытала очень сильную досаду, если из-за какого-то больного карапуза, ей пришлось бы пропустить этот важный момент, ради которого она жила всю неделю.

Поклонница Марии с облегчением вздохнула и удобно устроилась на больничном диване. Укутавшись теплым пледом, она начала смотреть телевизор, изрядно продавив, и без того пострадавшие от времени, диванные пружины, которые под ее тяжестью всегда тихонько жалобно поскрипывали.

Антонина Сергеевна почти сразу же утонула в сюжете и была этому даже рада, она с удовольствием погрузилась бы еще глубже, если была бы такая возможность, чтобы прочувствовать всю глубину мучений и страданий бедной девушки, мысли о которой не покидали ее на протяжении всего дня.

Где-то глубине души она ассоциировала себя с образом этой Марии и сама очень сильно напрягалась, пытаясь выбрать кого-то одного из двух возлюбленных. Как наваждение или какое-то прозрение, к старшей медсестре приходило ощущение некоего надвигающегося откровения. Ей чудилось, что ещё минута и Антонина Сергеевна сама определится за главную героиню и поможет ей с выбором жениха! И ее правильный выбор каким-то таинственным образом сможет, минуя все преграды, действительно помочь бедной Марии. И тогда все у всех будет хорошо, только бы ничто не отвлекало от просмотра и не возвращало Антонину Сергеевну в этот ничтожный мир, где она чувствует себя “не в своей тарелке”.

До конца серии оставалось всего 5 минут и где-то, в глубине души, у любительницы бразильских сериалов уже зарождалось тоскливое понимание, что этот переломный момент точного определения не случится прямо сейчас, и еще растянется изощренная пытка с мучительным выбором на неделю. И

Антонина Сергеевна, как часть, оторванная от единого целого, будет сладострастно страдать и жить в ожидании продолжения, чтобы можно было вновь погрузиться в привычную ей среду и уйти с головой от всего, что ее так угнетало.

Это осознание не давало четкой определенности, бедная женщина силилась понять: радоваться ли ей этой предоставленной отсрочки или печалиться, но словно настоящий телевизионный наркоман, получаемый ежедневно ровные порции, она научилась грамотно и без сожаления выбрасывать все лишние мысли из головы и просто наслаждаться каждой минутой отведенного, какой-то незнакомой ей личностью, эфиром.

Как только начинался показ красивой бразильской жизни, сильнейшая волна накатывалась на Антонину Сергеевну, беззаботно унося ее в другую реальность, и позволяя, хотя бы на какое-то время, забыть об обыденности.

Исправно выполняя свою работу, старенький телевизор, словно добрый кудесник, молниеносно доставил Антонину снова в привычную ей среду, где она, сразу же, забывала обо всех своих проблемах. Попадая в тот мир, где у нее не болели ноги, не заботили никакие мирские ценности и не было никаких сожалений, – она даже, казалось дышала по-другому, свободнее и полной грудью.

Вот и сейчас, захватывающей волной ее словно поглотило и с силой вырвало из нашего не гостеприимного мира.

– Мария, скажи уже, наконец-то, не мучай меня, будешь ли ты моей женой? – вопрошал мужской голос. Мария склонив голову набок кокетливо улыбнулась. Антонина Сергеевна инстинктивно наклонила голову набок, словно зеркальное отражение Марии и на ее лице появилась наивная детская улыбка.

Часы на стене перед окончанием каждой серии почему-то начинали громко тикать ускоряя свой шаг, – так чудилось старшей медсестре каждый раз, когда до конца просмотра оставалось всего, каких-то, несколько минут.

Женщина бы усмотрела в этом что-то мистическое, но во время сеанса она не могла себе позволить отвлекаться ни на что на свете! Казалось, упали метеорит за окном, – и даже он не привлек бы к себе внимание увлеченной Антонины Сергеевны.

В эти мгновения медсестра словно сливалась с диваном в нечто единое и бесформенное, ощущая порой физически, что это уже не просто диванные пружины постанывают при каждом ее движении, а нечто больше, словно эти старые механизмы, продолжение ее самой. И казалось бы, ничто уже не может ее вернуть в это брэнное тело, если бы не эти подлые часы. Они каким-то образом, минуя все попытки игнорирования со стороны Антонины Сергеевны, напрямую взаимодействовали с ее подсознанием, напоминая бедной женщине и о своем неуместном присутствии, и об утекающем, как песок сквозь пальцы, времени.

Как порой быстро пролетают целые периоды жизни, словно на глазах минуты превращаются в секунды. Вот, казалось бы, сейчас еще есть время, но горечь сожаления уже подкрадывается где-то сзади, словно шепча на ухо: “Еще чуть-чуть и скоро всему конец!” И сказочное путешествие Антонины Сергеевны закончиться и останутся только размышления и томления до следующей серии, ну и, конечно же, ежедневное выполнение рутинных задач, которые ее, не то чтобы сильно удручали, но, кажется, вызывали невыносимую тоску по чему-то несбыточному. Именно от этих чувств и пыталась всегда уйти медсестра, всей душой ненавидя эти часы на стене, которые тут висели со времен открытия больницы и напоминали ей о забытых мечтах. Антонина Сергеевна была убеждена, они делали это явно намеренно и искусно, издевались одним только своим видом, а когда с громким тиканьем неожиданно врываются в те интимные минуты уединения с телевизором, она словно ощущала какую-то горечь во рту.

Этот настенный уродец, мечта любой больничной помойки, постоянно вторгался на территорию Антонины Сергеевны и она иногда даже думала на полном серьезе, как от него избавиться, но, впрочем, не рисковала уничтожить памятный для многих антикварный талисман, а просто старалась всеми силами не обращать на него внимания и зачастую, ей это удавалось... Но только не в те моменты, когда шли последние минуты напряженного сюжета.

Ощущала Антонина Сергеевна злобные посылы от старинных часов каким-то необъяснимым чувством, и с сожалением, на каком-то уровне, все же понимала,

что они в чем-то правы. Но никому не нужна была эта правда, по-крайней мере, старшая медсестра в ней точно не нуждалась.

Садисткой вещице было, казалось, глубоко наплевать на чьи-либо желания, часы тикали и причиняли Антонине Сергеевне невыносимые страдания, словно наказывая, корили ее в каком-то проступке.

И в этот момент женщине было невыносимо тошно от жалости к себе, иногда хотелось даже всплакнуть, но она держалась и не позволяла себе раскисать.

Во многом она винила свою судьбу, во многом своих родителей, в какой-то мере, обстоятельства.

“Как оно так все сложилось, что жизнь пролетела, а все, что у меня есть, – это пустые мечты посмотреть вечером телевизор?” – медсестра поежилась от жутких мыслей и постаралась снова переключиться на сюжет из бразильского сериала.

“Идиотские часы, чтоб вам пусто было! Сколько лет все идут и не сломаются ведь никак!” – И она опять вспомнила свои молодые годы. Иногда ей казалось, что от того, что она работает в этой больнице столько лет, – она предает саму себя. И кажется, она давно уже смирилась с этой ношей.

“И почему я тогда не уехала?” – Опять с укором подумала она, – “Сейчас бы была не жизнь, а сказка, вот как в сериале!”

Краем уха Антонина Сергеевна слышала, как где-то в коридоре, ее кто-то искал и звал, сперва один взволнованный женский голос, потом к нему присоединились и другие, но Антонина Сергеевна была далеко не душой, она всегда закрывает дверь на замок. Телевизор в коридоре не слышно, если не включать его громко. Это было именно то место, где она могла спрятаться от всего мира и затаиться.

– Что им там нужно? Поищут и успокоятся, а завтра новая смена даст им все, что они только пожелают, – прошептала вслух еле слышно, какому-то невидимому

собеседнику, медсестра. Будто этот кто-то способен дать ей моральное право затаиться от ищущих.

Поворотный момент

Осталось четыре минуты до конца сериала, ситуация накаляется, Мария кажется определилась и сейчас сделает выбор между двумя бразильскими мачо,

- Неужели сегодня?! - Антонина Сергеевна затаила дыхание и придвинулась вперед, зрачки ее расширились.

В дверь начали отчаянно барабанить.

- Вот черти, нейметса им, несколько минут не могут подождать. - тихо проворчала медсестра.

Обстановка накалялась, главная героиня сериала сделала шаг в сторону мужчины, стоящего на коленях, но остановилась, показывая, как ее снова терзают сомнения.

- Ну, давай же, давай!

В дверь стали колотить сильнее и, Антонине Сергеевне показалось, за дверью точно знали, что в сестринской кто-то есть.

“Та-а-а-а-ак”, - начался невольный процесс размышления, - “отмолчаться не получится, а значит нужно тянуть время...”

- Сейчас выйду! - Крикнула она и в ответ получила еще более интенсивные стуки и крики.

Дверь уже пинали ногами и кто-то кричал. К удивлению, затаившейся в сестринской поклонницы бразильских сериалов, слышались даже какие-то угрозы и женский вопль.

“Знакомый голос... так эта же та мелкая выскочка, учившая меня работать, что ей-то ещё надо? Вспомнила, что не все высказала? А может, решила извиниться за своё поведение?” – язвительно усмехнулась в душе Антонина. “Ну черт с ней, две минуты поколотит и потом я ей открою.”

– А может там что-то случилось?! – вдруг пришла неожиданная мысль, словно осознание свыше, огорошив бедную женщину и заставив оторваться от телевизора. Она прислушалась.

Внезапно мир мыльных опер ушёл на второй план и Антонина Сергеевна снова стала сама собой. Все тело пробегающей волной сверху вниз обдало жаром.

“Что они там кричат?! Ребёнок умирает??? В моем отделении? В мою смену?” – она попыталась вскочить и бежать к запертой двери, но с ужасом поняла, что отсидела ногу и с грохотом упала на холодный пол, сильно ударившись локтем о стол.

– Мать вашу, твари! Если этот маленький ублюдок не умирает, то я его сама отправлю на тот свет! – злобно прошипела Антонина Сергеевна, глядя на дверь снизу вверх, – И мамашку туда же отправлю! – Уже с обидой добавила она.

Несколько секунд женщина приходила в себя, и совсем не заметила, что за дверью все неожиданно стихло, никто не пытался к ней войти.

“Что это вообще было?” – Она собралась с духом и попыталась, волоча одну ногу и опираясь на стену, идти к двери. Сперва это было тяжело, но вскоре ногу “отпустило” и она снова могла беспрепятственно передвигаться. Потирая больной локоть, медсестра переступила порог, и стала осматривать свои владения.

Длинный коридор, обычно в это время, всегда одиноко скучал, но не сейчас. По всему отделению тут и там, еще ничего не понимающая женщина, увидела взволнованные лица. Суетливые силуэты хаотично передвигающиеся по отделению, почему-то напоминали ей кадры из фильмов про сумасшедший дом.

Рядом с сестринским постом стояли какие-то заспанные врачи из приемного отделения, кто-то вполголоса обсуждал что-то интересное, две медсестры активно разгоняли любопытных женщин по палатам.

В голове старшей медсестры сильно звенело и она никак не могла сосредоточиться.

– А что тут происходит? – спросила Антонина Сергеевна у проходящего мимо нее в этот момент врача из хирургии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/shi_anastasiya/vne-tela

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)